

27 ИЮНЬ 1976

94-й

ВЫПУСК

ЕВГЕНИЙ ЛЕОНОВ

— Евгений Павлович, наш зритель с интересом воспринял фильм «Премия». А как в других странах?

— Мы ездили с этой картиной в Италию, Францию, Австрию. Зарубежные зрители забросали нас вопросами: «Насколько типичен этот конфликт для советской действительности?», «А что было бы с Потаповым, если на месте секретаря парткома был другой человек?..» «Браво, Потапов, победа!» — скандировал зал во Франции. Да, Потапов победил, потому что с ним правда.

— Со стороны кажется, что эта роль не вызвала трудностей, так органично ложится она на образ актера Леонова...

— Роль Потапова я веду ровно. Было много сомнений: мол, это монотонно. Кто-то считал, что Потапов в конце концов должен повысить голос, стукнуть, как говорится, кулаком по столу. А я веду роль ровно. Истина не требует украшения. Мой Потапов идет в партком потому, что хочет работать по-настоящему, по совести; он — человек, умудренный опытом, жизнью, воевавший. Добрый и мудрый. Героем сценария был молодой парнишка, комсомолец. Но мне кажется, что смещение фокуса, в центре которого встал Потапов, позволило познать более глубинную истину. И получился острый публицистический фильм.

Работая над Потаповым, я тоже думал: как он придет с парткома домой, что будет делать? Легко ли заставить засомневаться в личной правоте такого ответственного и сильного человека, как начальник строительства? И я решил, что победа Потапову достанется тяжело. Он победил, но придет домой и заболит...

— Какое искусство вам ближе — кино или театр?

— Суть актера и для театра, и для кино одина. Другое дело — условия труда: в театр приходишь не на год, как в съемочную группу. Театр растит актера, кинематограф — этим, увы, не занимается; конечно, и в кино с актером работают, но не долго. Кино часто относится к актерскому ремеслу потребительски. Сколько снимали до 30 лет, а потом переставали, если актер не умел переключиться с учетом возраста! А в нашем деле останавливаться нельзя. Испытание творчеством каждый день! Или вперед, или назад — третьего актеру не дано.

— Говорят, ваш Лариосик из «Дней Турбинных», очень удачный, все же в какой-то степени повторил яншинского...

— Если точно вспомнить мое впечатление от первого спектакля — полный провал. Я вообще никогда не был уверенным в себе человеком. Я не видел, как играл эту роль Яншин. Наверное, все-таки иначе. Тем более что сам Яншин не относится к режиссерам, которые натаскивают актера, играя ему всю роль. Нет, он требовал, чтобы думали, додумывали характер. «Ну что ты выскочил, как молодой телок, на сцену?» — говорил Яншин. — А где голод, разруха, эшелоны, где вся жизнь героя, прожитая до этого? И после сам Яншин говорил, что мой Лариосик не так уж смешон. Я сыграл его сто

раз. И каждый раз придумывал для себя что-нибудь новое. Я благодарен Яншину за его веру в фантазию актера, за то, что не было педантизма, натаскивания, диктата, нотаций, декларативности. Не было «вещания», на которое иногда сбиваются маститые.

— Часто удается вам настоять на своем? Насколько вы подвержены влиянию режиссера, окружающих? Легко ли соглашаетесь?

— Не знаю. Того, кто полон сомнений, вряд ли назовешь самонадеянным. У Шукшина, говорят, ни одна картина не вышла так, как он задумывал: один коллега советовал подсократить тот эпизод, другой говорил, что это длинно, а это не очень интересно. И Шукшин сокращал, убирал, а может, именно в этом сокращенном эпизоде была его неповторимость. Может, надо ошибаться и через ошибку приходиться к истине. Идти от противного: играешь злого — ищи, в чем он добрый.

Я играл Сарафанова в фильме «Старший сын» по пьесе Вампилова. Помните сцену, когда он, распушив хвост, рассказывает о себе, о своих успехах и планах, воодушевляясь грандиозностью несбывшихся замыслов, веря в придуманное? За всем этим для меня звучало: «Да, я маленький человек, но я воевал! И хотя я понимаю, что не состоялся, но пусть не думают, что я совсем неудачник, у меня дети!» За детей почему-то хватаются, когда ничего другого не остается.

И я вдруг зарыдал. Мне оператор говорит: «Неоправданно как-то, неподготовленно». Но почему все обязательно должно быть подготовлено?.. И еще. В том ли дело, что ты «похож» на предлагаемый образ? Никогда не отождествляю себя с тем или иным персонажем. Мои герои существуют до меня и вне меня, пусть даже кто-то из них и не самостоятелен в логике и динамике своего развития. Внутренне перешагнуть грань своих данных и привычек и дать жизнь образу, предоставив ему в распоряжение свою фантазию, интуицию, ум, весь свой багаж опыта и неповторимых эмоций, которые накоплены мной в жизни, — вот, по-моему, верный путь.

Мне нравится Сарафанов, нравится тем, что вот он такой маленький, неустроенный и такой уязвимый. Он, наверное, талантлив — и от этого еще более измучен, он тонкий, наивный, добрый и беспомощный. Несостоявшийся музыкант. «Симфонический оркестр! Жизнь не прошла! Я работаю, я симфонию пишу».

А вот мой персонаж в новой картине, которую ставит Я. Шредель на «Ленфильме», рыдать не будет, и интонаций в его голосе маловато. Фильм задуман как психологический детектив, исследование человеческого характера, его проверка на прочность, честность и верность идеалам. Но сценарий написан так, что характера нет, и его пришлось заменить собственной фактурой. Придумать самому. Живет такой незаметный, негромкий человек, следовательно, не очень устроенный. Наверное, «ходок по чужим делам». И вот его вызывают в прокуратуру: уж больно долго дело расследуется. Работать, говорят, с тюфяком нельзя, собираются перевести его на надзор. Ему говорят: «Быстрее, быстрее, быстрее». И вот

«Разумеется, дело Леонова — Фальстаф, Санчо Панса, Фамусов, — писал драматург С. Алешин. — Ну, а Городничий? А что, если Лир? Или Ричард Третий?.. Будь я режиссером, я бы обязательно попробовал».

Популярному актеру кино и театра, народному артисту РСФСР Евгению Леонову в этом году исполняется 50 лет. Сегодня Евгений Павлович — гость нашей 13-й страницы.

последний шанс, последнее дело, которое вдруг начинает разматываться с невероятной для него быстротой. И факты, улики все налицо, все сходится. Приходит мать, я знаю: у меня улики против ее сына. Не совпадает одно — ее показания, матери предполагаемого преступника. И мой герой сомневается: «Мать из тех женщин, которые не могут лгать». И вот уже я еду обратно в прокуратуру, начальник в гневе: «Ты ненормальный, так нельзя работать. У тебя же отпечатки пальцев в кармане!» Хорошо закучено, а?.. И вдруг — стоп, я, то есть следователь, нахожу квитанцию от часов. Интуиция сильнее фактов, и пусть я не останусь следователем, но сохраняю убеждения. И я прошу об отсрочке дела... Да, ничто не заставит честного человека пойти против себя. Сохраняя свою убежденность, он не носит с ней, он просто не может иначе. Кстати, не важно, актер это или человек другой профессии. Каждому это приходится решать для себя... Учитесь при этом, что актер — губка. Он все впитывает...

— Что вы считаете для актера главным?

— Знать, что ты хочешь сказать людям. Это справедливо для любого художника. Если нет у него этого за душой (или запас мыслей скуден), он быстро становится неинтересен, начинает повторяться. Должна быть своя выношенная тема, в ней он самобытен, неповторим.

В Театре имени Станиславского у меня сложилось комедийное амплуа. Мне поручали характерные роли, и само собой получалось, что именно комедийные черты оказывались наиболее выпуклыми. Но играть одну комедию... Достоверность характера, мотивировка действия — наверное, именно это в первую очередь привлекает зрителя в кино или в театре... Есть еще проблема — преодоление собственных штампов. Бывает, ищешь какую-то новую деталь, чего там, и так смешно... Мой учитель М. М. Яншин не признает «работу на публику», он учил нас жить в образе, не думая о том, как сорвать аплодисменты... Хотя, казалось бы, что плохого? Зритель смеется от смеха, актер обретает популярность. Но потом зритель требует от тебя лишь одного: смехи, нечего психологией пичкать. От комедийности до шутства — один шаг. А русской комедии всегда были присущи гражданская направленность и чувство меры. Я играю все, что мне интересно. Стараюсь во всем оставлять частицу себя. И потом, где вы видели, чтобы люди были только с одной чертой характера? Од-

ноплановых людей не бывает! Потому все споры о «чистоте амплуа» бессмысленны. Смешное и драматичное в жизни тесно переплетаются... Как-то мне посоветовали: сыграл бы, мол, Лира... Честное слово, я бы попытался!..

— Что привлекло вас в Театр имени Ленинского комсомола?

— В этот театр пришел своеобразный художник, режиссер Марк Захаров, который интересно видит мир. С таким режиссером заманчиво поработать. И, в частности, привлекла меня постановка «Иванова». Возможность сыграть Чехова. Спектакль по своему решению получился неожиданный. Каждое время рождает свое прочтение Чехова. Мне кажется, мы прочитали его по-новому.

— Евгений Павлович, вы играете в основном добрых героев и, наверное, сами добрый человек. А что вас больше всего злит?

— Демагогия и мещанство. Кстати, роль Коли в фильме «Афоня»; почему-то многие воспринимают Колю как безобидного, доброго человека. Он и вправду добрый, хороший... Только он предает Афону. Его волнует мироздание, огорчает семейная некоммуникабельность; жена выбросила мотыля в канализацию... Но это же нечестность! Схоластика! Когда он больше всего нужен Афоне, он уходит. Наплевать ему на своего друга. Безразличный он, в сущности, человек. И это еще хуже оттого, что он философствует и сам вроде бы тонкий такой, уязвимый...

Иногда иду я со своим псом Тимошкой гулять, он у меня умный, седой уже, а на снамеечке каной-нибудь тип брызжит: «Собаки развели... Детей рожать надо...» Так может сказать недобрый человек.

— Многие актеры становятся режиссерами...

— Считаю: каждый должен заниматься своим делом. И хватит нам плохих фильмов.

— А как вы пришли к своей профессии?

— В шутку я мог бы рассказать, как к нам в школу пришел кинорежиссер, который искал смешного мальчишку. Я учился в пятом классе; он почему-то выбрал меня. Сняться мне все-таки не пришлось, но в школе за мной утвердилось слава «актера»... Если всерьез, то объяснить трудно. Во время войны я пошел работать на завод, был токарем. Затем поступил в авиационный техникум. А потом взял и ушел в театральную студию. На экзаменах читал Зоценко и Чехова, но никто из преподавателей даже не улыбнулся, но подзреваю, что взяли меня потому, что я был, наверное, очень смешной, растерянный, в пиджачке брата.

— Вы единственный актер в семье?

— Нет, сын Андрей, кажется, тоже подумывает об актерской профессии. И в фильме «Гонимый» он впервые снялся в кино. Играет там моего сына. Пусть будет актером; главное — стал бы человеком.

— Ну, а насчет цифры 13?

— Единственное число, сыгравшее какую-то роль в моей жизни, — это «33». Помните, был такой фильм?

Гостя расспрашивала
Ольга ЗЛОТНИК.

Фотографировал
Г. Дубинский.

